

Н. Бердяев

**Субъективизм и индивидуализм в
общественной философии**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Н11

Н11 **Н. Бердяев**
Субъективизм и индивидуализм в общественной философии / Н. Бердяев – М.: Книга по Требованию, 2023. – 362 с.
ISBN 978-5-458-54799-4

ISBN 978-5-458-54799-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Nur allein der Mensch
Vermag das Unmögliche.
Er unterscheidet,
Wählet und richtet;
Er kann dem Augenblick
Dauer verleihen.

Goethe.

Съ чувствомъ большого удовольренія я прочелъ предлагаемую читателямъ книгу Н. А. Бердяева. Прежде всего, она знаменуетъ собой въ нашемъ направленіи умственную жизнь и критическое движеніе, противоположающіяся духовной смерти и догматическому застою. Но у автора цѣнна не одна только критическая мысль: у него съ критической мыслью стройно сочетается и душевный подъемъ, рождающій вѣру и энтузіазмъ. Въ силу этого счастливаго сочетанія критика не осуждена на практическое безплодіе, не сверлитъ душу и не разрушаетъ ея энергіи, а порывъ вѣры и энтузіазма не слѣпнеть умственного взора.

Въ предлагаемой книгѣ то практическое направленіе, появленіе котораго въ Россіи относится къ 90-мъ годамъ, составляя самый крупный фактъ въ умственно-общественной жизни этого десятилѣтія, совершенно открыто и рѣшительно дѣлаетъ поворотъ къ философскому идеализму и вступаетъ, такимъ образомъ, въ союзъ съ духовными силами, которыя до ихъ поръ лишь по историческому недоразумѣнію считались ему враждебными. Этотъ поворотъ обозначился довольно давно, но въ книгѣ Н. А. Бердяева онъ впервые получаетъ болѣе или менѣе законченное и

сосредоточенное выраженіе. Каковы бы ни были недостатки этого и другихъ предшествовавшихъ и послѣдующихъ трудовъ въ томъ же духѣ, ихъ историческое значеніе несомнѣнно для того, кто вѣритъ въ зиждущую силу философскаго идеализма и цѣнитъ союзъ съ нимъ.

Я знаю, что найдутся лица, которыя скажутъ, что утверждаемый мною и подчеркиваемый союзъ не представляетъ ничего новаго, что онъ уже осуществленъ благодаря усвоенію марксизмомъ идей Гегеля и, въ частности, его діалектики. Здѣсь передъ нами недоразумѣніе, упорно продолжающее жить въ головахъ многихъ друзей и враговъ нашего направленія, одна изъ тѣхъ традиционныхъ *Gedankenlosigkeiten*, которыя по наслѣдству переходятъ отъ однихъ умовъ къ другимъ, не имѣя за собою ничего, кромѣ давности. Въ Гегелевской философіи, несомнѣнно, былъ огромный запасъ идеализма, но въ томъ, что у Гегеля подъ именемъ діалектики взяли Марксъ и Энгельсъ, не было ни капли идеализма—поэтому совершенно правильно названіе діалектическаго матеріализма для ихъ философскаго міросозерцанія. Если угодно, въ немъ можно видѣть и спинозизмъ; несомнѣнно, что всякій метафизическій матеріализмъ долженъ напоминать спинозизмъ, у котораго съ матеріализмомъ обще монистическое и механическое истолкованіе мірового цѣлаго. Но спинозизмъ не есть вовсе идеализмъ, хотя исторически онъ явился одной изъ исходныхъ точекъ для идеалистическихъ построеній Шеллинга и Гегеля.

Марксъ и Энгельсъ были въ философскомъ отношеніи настоящими матеріалистами. Какъ всѣ матеріалисты, они постоянно колебались между метафизикой и позитивизмомъ, возводя данныя положительной науки въ метафизическіе принципы и вводя эти принципы вновь въ положительное изслѣдованіе, или точнѣе, толкуя въ ихъ смыслъ результаты послѣдняго. Такъ, эмпирическая эволюція превращалась у нихъ на высшихъ ступеняхъ ихъ отвлеченій въ метафизическую діалектику, чтобы затѣмъ

снова войти въ положительное изслѣдованіе, какъ принципъ истолкованія эмпирическихъ данныхъ. Но такъ какъ метафизическіе элементы какъ матеріализма, такъ и діалектики крайне скудны, то позитивное содержаніе, даваемое научнымъ изслѣдованіемъ, всегда подавляетъ ихъ у Маркса. Метафизическая рамка непропорціонально узка сравнительно съ заключеннымъ въ нее широкимъ позитивнымъ содержаніемъ. Г. Михайловскій уже давно справедливо замѣтилъ, что гегеліанская діалектика есть только «тяжелая, ненужная и неуклюжая крышка» на научномъ твореніи Маркса. Еще любопытнѣе и цѣннѣе сужденіе одного настоящаго философа, едва ли не самаго послѣдовательнаго и глубокаго изъ всѣхъ нѣмецкихъ критическихъ позитивистовъ. Эрнстъ Лаасъ, указывая въ 1879 году на мало извѣстное въ то время полемическое сочиненіе Энгельса противъ Дюринга, какъ на удачное опроверженіе онтологическаго апріоризма послѣдняго, писалъ: «въ настоящее время, такіа смѣны категорій въ гегелевскомъ родѣ, какъ, напримѣръ, превращеніе въ свою противоположность, переходъ количества въ качество (или наоборотъ), отрицаніе отрицанія врядъ ли примѣняются иначе, чѣмъ въ качествѣ удобныхъ и легко запоминаемыхъ обозначеній дѣйствительно или мнимо закономѣрныхъ естественныхъ или историческихъ процессовъ».

Имѣя въ виду опять таки Энгельса и указывая, какъ Гегель вытравилъ изъ идеалистической метафизики рѣзкое платоновское и кантовское противоположеніе чувственности, какъ пассивнаго элемента, и разума, какъ элемента активнаго, Лаасъ прибавляетъ: «Неслучайно, поэтому, что со времени появленія работъ Дарвина нѣкоторымъ гегеліанцамъ стало совершенно легко постепенно довести принципы ихъ учителя до полнаго сходства съ новой эволюціонной теоріей» ¹⁾.

¹⁾ Ernst Laas. Idealismus und Positivismus. Eine kritische Auseinandersetzung. Erster, allgemeiner und grundlegender Theil. Berlin 1879. S. 164—165.

Для Лааса, какъ позитивиста à outrance, самымъ привлекательнымъ въ Энгельсовой критикѣ Дюринга являлось полное подчиненіе гегеліанства, изъ котораго «исходило духовное развитіе самого критика» (т. е. Энгельса) — эмпиризму или позитивизму, иными словами, полное поглощеніе послѣднимъ идеалистическихъ и метафизическихъ мотивовъ ¹⁾. Въ самомъ дѣлѣ въ марксизмѣ діалектическій матеріализмъ въ смыслѣ философскаго ученія, а не престога обозначенія нѣкоторыхъ соціологическихъ обобщеній есть довольно убогая метафизическая надстройка надъ превосходнымъ для своего времени позитивно-научнымъ зданіемъ. Въ этой философской надстройкѣ нѣтъ совершенно никакихъ идеалистическихъ элементовъ, и потому тѣмъ, кто захочетъ съ положительно-научнымъ и съ практически-политическимъ содержаніемъ ученія Маркса сочетать философскій идеализмъ, съ этой надстройкой нечего дѣлать, въ ней нечего искать. Она вся цѣликомъ должна пойти на сломъ, чтобы уступить мѣсто другому «вѣнцу». Самое же зданіе должно быть совокупными усиліями отчасти перестроено и обновлено, отчасти послужить лишь хорошимъ строительнымъ матеріаломъ для новыхъ сооружений.

Вольтманъ въ своей книгѣ «Der historische Materialismus» ²⁾ дѣлаетъ совершенно несостоятельную попытку доказать, что Марксъ является въ философскомъ отношеніи истиннымъ продолжателемъ нѣмецкой идеалистической философіи и въ частности ея основоположника — Канта. Впрочемъ, настоящихъ доказательствъ этого изумительнаго тезиса, провозглашаемаго въ предисловіи (стр. V—VI), Вольтманъ не приводитъ, замѣняя ихъ компилятивнымъ и неинтереснымъ изложеніемъ идей Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля, за которымъ слѣдуетъ такое же изложеніе Фейербаха и Маркса и собственные крайне путанные рассу-

¹⁾ Ibid., S. 147.

²⁾ Düsseldorf, 1900. Только что вышелъ русскій переводъ.

ждения. Критическій марксизмъ несомнѣнно компрометируется такими некритическими трудами и заявленіями. Для Вольтмана характерно, что онъ въ совершенно непереваренномъ видѣ извергаетъ передъ своими читателями историческаго Канта со всѣми его противорѣчіями и со всей его схоластической систематикой и затѣмъ этого Канта чисто механически связываетъ съ Марксомъ. Неокантіанская литература Вольтману, повидимому, совершенно незнакома. Иначе, онъ счелъ бы, по крайней мѣрѣ, нужнымъ посчитаться съ той критикой Кантовской концепціи «вещи въ себѣ», съ которой неокантіанство въ лицѣ Либмана («Kant und die Epigonen») выступило еще въ 1865 году. Между тѣмъ Вольтманъ считаетъ «вещь въ себѣ» верховъ Кантовой мудрости. Къ Канту онъ относится даже менѣе критически, чѣмъ къ Марксу. Намѣренія Вольтмана внести идеалистическую струю въ марксизмъ заслуживаютъ полного признанія, но выполненіе этихъ намѣреній — очень слабое. Самъ Вольтманъ изъ реалистическихъ тенденцій Канта выводитъ чисто матеріалистическую метафизику, ничѣмъ не отличающуюся отъ вульгарнаго матеріализма (стр. 300 и сл.), но затѣмъ всецѣло принимаетъ и Кантову этическую метафизику, т. е. ученіе объ интеллигибельномъ характерѣ (стр. 311 и сл.). Некритичность Вольтмана съ поразительной ясностью обнаруживается въ разсужденіяхъ объ ученіи, разсматривающемъ познаніе, какъ отраженіе въ зеркалѣ (Theorie des Spiegelbildes, стр. 285 и сл.). Эту теорію Марксъ и Энгельсъ дѣйствительно раздѣляли и неоднократно выражали въ самой наивной формѣ, Кантъ же своей критикой упразднилъ (ср. Виндельбандъ: «Prael n dien», Freiburg, 1884, стр. 125 и сл.). Указываемыя разсужденія Вольтманъ кульминаруютъ въ поистинѣ чудовищномъ тезисѣ: «Da-Bewusstsein ist demnach thatsächlich ein Spiegelbild des Gehirns, des ganzen Organismus und der Aussenwelt, je nach der Stufe der Umsetzung des Materiellen ins Ideelle» (стр. 294 ¹).

¹) «Сознаніе, такимъ образомъ, фактически есть отраженіе мозга

Въ противоположность этому синкретическому сочетанію несоединимыхъ идей мы считаемъ нужнымъ рѣшительно заявить, что въ метафизическомъ и вообще философскомъ отношеніи вѣтъ болѣе рѣзкой противоположности, чѣмъ Марксъ и Кантъ или вообще идеалистическая философія, продолжающая и развивающая традиціи Платона. Тотъ, кто открыто становится на сторону идеализма, долженъ также открыто порвать съ метафизикой Маркса. Съ точки зрѣнія теоріи познанія и метафизики вѣтъ никакого различія между матеріализмомъ Маркса и такъ называемымъ вульгарнымъ матеріализмомъ (Молешотта, Бюхнера и др.), который Энгельсъ и ортодоксальные марксисты не имѣли никакого права третировать свысока. Соціологическая же доктрина Маркса такъ же мало по существу связана съ философскимъ матеріализмомъ, какъ современная фізіологія и психофізика. Изъ этого взгляда на философское содержаніе марксизма вытекаетъ, что жизнеспособны въ немъ только позитивно-научные элементы, которые, какъ таковыя, нуждаются лишь въ гносеологической провѣркѣ своихъ исходныхъ точекъ и въ спеціально-научной критикѣ своихъ приложеній, метафизическая-же часть марксизма должна раздѣлить судьбу діалектики и матеріализма, оказавшихся одинаково несостоятельными предъ судомъ философской критики ¹⁾. И исторически — міровоззрѣніе Маркса выросло изъ оппозиціи всякой идеалистической философіи,

всего организма и внѣшняго міра, отраженіе, различное на различныхъ ступеняхъ превращенія матеріальнаго въ идеальное. Это чистѣйшій и грубѣйшій матеріализмъ.

¹⁾ Несостоятельность матеріализма въ настоящее время не требуетъ никакихъ новыхъ доказательствъ. Она стала философскимъ общимъ мѣстомъ. Но діалектика нерѣдко еще пользуется почтительнымъ признаніемъ въ силу своего историческаго родства съ все болѣе и болѣе подчиняющимъ себѣ философскую мысль идеализмомъ. Въ виду этого не мѣшаетъ замѣтить, что мы считаемъ діалектику Гегеля окончательно опровергнутой въ превосходныхъ работахъ А. Тренделсбургера (*Logische Untersuchungen*, 3-te Auflage, Leipzig 1879; есть русскій переводъ. Москва 1868) и Э. ф.-Гартмана (*Ueber die dialektische Methode*, Berlin, 1869).

въ частности и гегелевскому панлогизму ¹⁾. Съ идеалистической философией у марксизма обще лишь стремленіе къ широкому синтетическому построению мірового цѣлаго, т. е. обща лишь голая форма цѣлостнаго міросозерцанія. И то эта формальная связь сознательно устанавливается лишь во второй періодъ литературной дѣятельности Маркса, когда его матеріализмъ становится діалектическимъ, когда происходитъ синтезъ матеріалистической метафизики и діалектической логики.

Важный шагъ въ дѣлѣ критической перестройки марксизма на основѣ идеалистической философіи дѣлаетъ книга Бердяева. Его критика, обращенная противъ г. Михайловскаго, направляется противъ ограниченности всякаго позитивизма вообще; а мы уже сказали, что если отбросить скудную діалектику и еще болѣе скудный матеріализмъ, то и ортодоксальная форма марксизма представится намъ во образѣ чистаго позитивизма. Подъ позитивизмомъ я разумѣю не ученіе Конта (вліяніе котораго, кстати сказать, было гораздо значительнѣе дѣйствительной цѣнности его трудовъ, хотя третировать его въ качествѣ философскаго ничтожества и смѣшно, и несправедливо), а возведенный въ философскую систему и обоснованный на теоріи познанія эмпиризмъ, главными представителями котораго въ исторіи философской мысли являются—если не считать миѣнческаго Протагора—Юмъ, Милль и Лаасъ.

Соглашаясь съ общимъ направленіемъ мысли автора, я отнюдь не могу подписаться подъ всѣми его воззрѣніями, выраженными въ предлагаемой книгѣ. Дальнѣйшее мое изложеніе будетъ посвящено выясненію той точки

¹⁾ Мнѣ кажется, я доказалъ въ своихъ статьяхъ „Studien und Bemerkungen zur Entwicklungsgeschichte des wissenschaftlichen Sozialismus“ (Neue Zeit XV, 2), что гегелевская діалектика не составляетъ истиннаго достоянія ученія Маркса, и что въ 40-хъ гг. онъ относился къ ней отрицательно. Возраженія профессора Масаржика (Masaryk) въ его книгѣ „Die philosophischen und soziologischen Grundlagen des Marxismus“ (только что вышелъ русскій переводъ этой книги) меня не убѣдили.

зрѣнія, съ которой я разсматриваю капитальные вопросы теоріи познанія и этики, затрагиваемые и освѣщаемые Бердяевымъ въ его книгѣ. Своихъ разногласій съ нимъ по чисто соціологическимъ вопросамъ (напр., по вопросу о населеніи, въ которомъ я въ общемъ продолжаю держаться своихъ прежнихъ взглядовъ) я не буду поднимать въ настоящемъ предисловіи.

Съ этого мѣста я рекомендую читателямъ оставить мое предисловіе и приняться за книгу Бердяева, чтобы вернуться къ моимъ мыслямъ уже послѣ прочтенія ея.

I.

Бердяевъ совершенно правъ, видя философскую несостоятельность «субъективнаго метода» въ грубомъ смѣшеніи индивидуальнаго (психологическаго) сознанія съ сознаніемъ трансцендентальнымъ или всеобщимъ. Эта мысль была намѣчена мною въ «Критическихъ замѣткахъ» (стр. 35), и я не только не стану возражать противъ нея, а, наоборотъ, намѣренъ указать на слишкомъ узкое пониманіе объективизма въ познаніи у самого Бердяева.

Критика его, въ основѣ которой лежитъ признаніе психологическаго субъективизма, субъективизма индивидуальныхъ показаній опыта, не говоритъ, какимъ образомъ изъ этихъ субъективныхъ индивидуальныхъ показаній вырабатывается и можетъ и долженъ вырабатываться общеобязательный опытъ. Я имѣю въ виду не историческую выработку, а логическую возможность образованія общеобязательнаго опыта. Объективизмъ формальный, объективизмъ логическихъ (въ широкомъ смыслѣ) нормъ недостаточенъ для общеобязательнаго опыта или для общепризнанной истины; необходимо въ самихъ содержаніяхъ сознанія, въ психическихъ переживаніяхъ признать наличность объективнаго и общеобязательнаго элемента. Словомъ, рядомъ съ объективизмомъ формальнымъ

или логическимъ я утверждаю объективизмъ матеріальный, который можно было бы назвать психологическимъ, если бы это слово не было уже использовано для обозначенія точки зрѣнія спеціальной науки, а именно психологіи. Объективизмъ формальный или логическій, какъ бы широко онъ ни понимался, не спасаетъ насъ въ сущности отъ солипсизма, или отъ возможности (конечно, теоретической, но у насъ рѣчь, вѣдь, ѣдетъ о теоріи познанія) полнаго индивидуальнаго произвола въ познаніи. Законъ тождества $A=A$ совершенно недостаточенъ для объективнаго познанія, ибо при объективномъ познаніи дѣло идетъ прежде всего не о тождествѣ содержаній сознанія индивидуальнаго эмпирическаго субъекта, а объ ихъ принудительномъ присутствіи во всякомъ сознаніи: объективный (=общеобязательный) законъ тождества осуществляется на объективномъ (=общеобязательномъ) матеріалѣ переживаній; безъ этого матеріала въ сущности даже не на чемъ проявиться законамъ логики. Переживанія (или состоянія сознанія) заключаютъ въ себѣ — вмѣстѣ съ объективнымъ — и субъективные элементы: этимъ они отличаются отъ абсолютно объективныхъ законовъ логики.

«Нормальное», «родовое» сознаніе, «сознаніе вообще» объемлетъ собой не только такъ называемые формальные моменты мышленія. Оно есть не что иное, какъ объективный міръ со всѣми его «формальными» и «реальными» опредѣленіями. Этотъ объективный міръ родового сознанія составляетъ необходимый моментъ, принудительно присутствующій въ каждомъ эмпирическомъ сознаніи. Съ этой точки зрѣнія «вещи» и «отношенія» такъ же объективны, какъ и категоріи познанія, ихъ «связывающія»; формальные и матеріальные моменты объективнаго міра различимы только въ абстракціи ¹⁾.

Бердяевъ раздѣляетъ ту формалистическую или тран-

¹⁾ Здѣсь я опираюсь на Шюппе. Кромѣ его «Erkenntnisstheoretische Logik» ср. его же «Grundriss der Erkenntnisstheorie und Logik.» Berlin. 1894.

сцендентальную точку зрѣнія, съ которой общеобязательность познанія гарантируется исключительно формами мышленія и формальными (апріорными) принципами его, упорядочивающими первичный хаотическій матеріалъ нашихъ душевныхъ переживаній и превращающихъ ихъ въ «опытъ». Этотъ взглядъ ведетъ свое начало отъ Канта, хотя въ то же время никто съ такой силой, какъ Кантъ, не подчеркивалъ недостаточности формальнаго критерія истины. Быть можетъ, наиболѣе ясное и, безспорно, эстетически самое законченное выраженіе этотъ формализмъ въ теоріи познанія получилъ въ трудахъ В. Виндельбанда. «Въ основѣ всякой познавательной дѣятельности отдѣльныхъ наукъ—пишетъ онъ—какъ въ индуктивномъ, такъ и въ дедуктивномъ ходѣ ихъ разсужденій лежитъ признаніе аксіомъ, смыслъ которыхъ состоитъ въ томъ, что лишь при помощи ихъ что-либо о фактахъ и изъ фактовъ можетъ быть доказано, т. е. утверждено, какъ истина. Задача теоретической философіи, логики состоитъ именно въ томъ, чтобы построить систему этихъ аксіомъ и развитъ отношенія ихъ къ познавательной дѣятельности. Но такое же аксіоматическое, обуславливающее и обосновывающее всѣ особыя функціи, значеніе имѣютъ въ этической области всеобщія пѣли, признаніе которыхъ требуется отъ cadaго, и на основаніи которыхъ оцѣнивается каждая особая цѣлевая дѣятельность, въ эстетической области—всеобщія правила воздѣйствія на чувства, которыми можетъ быть обоснована общность всѣмъ опредѣленныхъ чувствъ» (Praeludien, статья: Kritische oder genetische Methode?, S. 255). Pointe этой точки зрѣнія—противопоставленіе психическаго содержанія (сужденія), какъ факта, и какъ истины, фактическаго бытія и общеобязательности. «Всѣ сужденія, происходящія въ индивидахъ или въ обществѣ, суть закономѣрно необходимыя продукты психической жизни. Съ этой точки зрѣнія, они, поэтому, всѣ одинаково законны: они всѣ, какъ бы они ни появлялись, разъ они появляются, имѣютъ достаточ-